

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Северная секция Научного совета по исторической демографии
и исторической географии РАН
Коми региональное отделение Российского исторического общества

Материалы к научным конференциям

Выпуск 47

**МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОСОСЛОВНЫХ
ГРУПП СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ
(XVI – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

*Материалы к XIII Конгрессу антропологов и этнологов России
(г. Казань, 2–6 июля 2019 г.)*

Сыктывкар, 2019

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНОСОСЛОВНЫХ ГРУПП СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ (XVI – НАЧАЛО XX ВЕКА). Материалы к XIII Конгрессу антропологов и этнологов России (г. Казань, 2–6 июля 2019 г.). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 20 с. (Материалы к научным конференциям. Вып. 47).

На основе письменных источников показано влияние миграций русского крестьянства на формирование населения Северного Приуралья. Отмечено влияние развития заводской промышленности на миграционные процессы, протекавшие в регионе. Освещены формирование и развитие этносословных групп при заводских поселках Северного Приуралья, возникших в XVII–XVIII вв. в ходе переселения на территорию расселения народа коми групп иноязычного (в основном, русского) населения.

Авторский коллектив:

И.Л. Жеребцов, В.М. Меньковский, И.О. Васкул, Б.Р. Колегов, Е.Н. Рожкин

Ответственный редактор

доктор философии М. Шмигель (Банска Быстрица, Словакия)

Рецензенты:

доктор исторических наук В.А. Семенов (Сыктывкар)

кандидат исторических наук С.Ю. Шокарев (Москва)

Редколлегия:

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, П.П. Котов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, А.М. Мацук, А.Г. Мусанов, П.Ю. Павлов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаев

Печатается по решению Коми регионального отделения
Российского исторического общества.

Издание осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 18-6-6-27 «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов Европы в Средневековье и Новое время в контексте изменений климата».

© Авторский коллектив, 2019

© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2019

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Миграции – неотъемлемая черта развития населения Северного Приуралья с древнейших времен, что неоднократно подчеркивалось различными исследователями [8–12; 22; 32; 40; 69; 70]. К сожалению, характер сохранности письменных источников позволяет с должной обстоятельностью проанализировать ход миграционных процессов и их влияния на характер расселения, этническое, социальное и хозяйственное развитие региона не ранее, чем с XVI столетия. Миграции населения, происходившие в более раннее время, в той или иной мере получили освещение (с привлечением как немногочисленных письменных, так и археологических, этнографических, лингвистических и фольклорных данных) в ряде научных работ [1–7; 19; 23–46; 56–62; 71–76; 86; 92]. В настоящем докладе авторы рассмотрят роль миграционного фактора в формировании этносословных групп Северного Приуралья в XVI – начале XX в.

С закреплением региона в составе Русского государства в конце XV в. территория Северного Приуралья оказалась более надежно защищена от нападений соседних северо-восточных племен. Расширились возможности русской земледельческой колонизации региона. В XVI в. в бассейны Вычегды, Мезени, Лузы, а также в известной мере и Печоры направился мощный поток переселявшихся из различных частей страны русских крестьян. Переселения вызывались социально-экономическими изменениями, происходившими в Русском государстве: рост крупного землевладения, сопровождавшийся усилением крепостничества, вследствие чего возрастало бегство крестьян из центральных районов страны на Север, свободный от феодалов. Кроме того, на восток, в Северное Приуралье стали переселяться жители ранее освоенного Подвинья, где начала ощущаться нехватка пахотных земель. Свою роль играло и расслоение северного крестьянства (особенно явственно обозначившееся в XVII столетии): часть жителей нищала, лишалась земли и угодий, переходивших к более зажиточным односельчанам, и вынуждена была покидать родные места, чтобы искать счастья в других районах, и, в частности, в малозаселенном соседнем Северном Приуралье [18; 24; 25; 53–55; 59; 60].

Конечно, этот процесс происходил в непростых условиях – как с точки зрения экономического, так и с точки зрения этносоциального развития региона. В это время началось формирование первых этнографических групп, происходившее в условиях активизировавшихся миграций и, в част-

ности, усилившегося притока русских переселенцев. В XVI в. коми заселяли Вычегду до устья Выми, Вымь, Вашку, Сысолу, Лузу и Вишеру. Верхняя Мезень, Летка и Вычегда (начиная с Усть-Сысольского района и вверх по течению) не были заселены, но, вероятно, частично использовались в качестве промысловых угодий. В этот период у коми завершался процесс формирования территориально-соседских общин. Манси (вогулы), ранее заселявшие верхнюю Вычегду и верхнюю Печору, к этому времени под воздействием ряда природно-климатических факторов (являвшихся следствием постепенных глобальных изменений климата) оставили эти территории и ушли за Урал. Ненцы (самояды) кочевали в нижнепечорских тундрах [19; 36; 59].

В XVI в. в немалой степени под социально-экономическим влиянием феодальной Руси в ходе миграционных процессов в регионе шла модернизация. Производящие отрасли хозяйства (земледелие, животноводство) у оседлого населения Северного Приуралья (коми) занимали все большее место в экономике, значение присваивающих (охота, рыболовство) постепенно несколько ослабевало, и это в условиях менявшегося к худшему климата имело весьма неожиданные последствия. Развивались и упрочивались территориально-соседские связи, произошел окончательный переход от родового строя к раннеклассовому обществу. Сформировались первые этнографические группы коми, причем существенную роль в этом процессе сыграли этнокультурные контакты между коми и другими народами, происходившие в ходе миграций [23; 29; 37; 39; 60].

Стоит отметить, что значительная часть нижневычегодских коми еще в XVI в. проживала западнее современной этнической границы между коми и русскими. Но доля последних в населении нижней Вычегды, вероятно, постоянно росла, в том числе и за счет притока сюда переселенцев с Двины и других районов Русского Севера. Хотя еще в XVII – начале XVIII в. коми компонент имелся практически во всех вычегодских волостях Яренского уезда, расположенных вне границ современной Республики Коми, но большинство местного населения составили русские. Об этом говорит, в частности, существование большая распространенность в этом районе русских фамилий по сравнению с коми. Показателен и такой факт: в 1646 г. в д. Зайва Ошлапецкой волости жил И. Зыренин. Сам он, как следует из его прозвища, был коми-зыряниним. Но ясно, что он получил его от местного русского населения и что возникновение такого прозвища не может не указывать на относительную малочисленность коми в данной местности, в противном случае принадлежность к коми этносу не была бы отличительной чертой, по которой давалось прозвище [15; 16; 38; 39; 81].

В Печорском крае оседлого населения долгое время не было. Лишь на рубеже XV–XVI вв. в низовьях Печоры появились русские и коми. В 1499 г. в низовьях Печоры, близ современного г. Нарьян-Мара, «на Пусту» был по-

строен укрепленный городок Пустозерск, ставший опорным пунктом Русского государства на крайнем Северо-Востоке Европы. Среди его строителей и первых обитателей были русские и коми. Так в низовьях Печоры возникла значительная группа пустозерских коми, изначально жившая вместе с русскими. Хотя Пустозерск, даже став со временем уездным центром, не развился до подлинно «городского» уровня, однако же его русско-коми население (с минимальным включением перешедших к оседлости ненцев), несомненно, представляло собой новую для региона социальную группу «протогорожан», интернациональную по составу. Численность пустозерцев быстро выросла. В 1575 г. там насчитывалось «русских и пермяцких 144 дворы, а людей в них русаков и пермяков 282 чел.» (имелись в виду только взрослые мужчины). Поселившиеся в низовьях Печоры выходцы из Пскова, Вологды и других мест обживали местность, заводили хозяйство (главным образом, рыболовческое) [16; 36; 59; 85].

В 1542 г. появилось русское поселение на р. Печоре – слободка Усть-Цильма, основанная новгородцами Иваном Дмитриевичем Ласткой и Власком. К основателям слободки вскоре присоединились выходцы с Мезени, Пинеги, Северной Двины и даже из Карелии. Со временем в Усть-Цильме сложилась своеобразнейшая группа севернорусского населения («устьцильмы»), имеющая характерные особенности культуры и быта [58; 59].

Между 1567 и 1576 гг. появилось первое из ныне существующих коми селений в Печорском крае – Ижемская слободка на р. Ижме (приток Печоры). Там поселились коми, к которым позднее присоединились русские из Усть-Цильмы (Чупровы), из Устюга (Иван Гаврилов сын Филипповых) и др. Так начала складываться наиболее своеобразная из групп коми – ижемская (изъватас), формирование которой завершилось в XVIII в. В результате миграций усилились связи между коми, русскими и ненцами, активизировался взаимообмен опытом ведения хозяйства [16; 27; 31; 34; 37; 59].

Отметим, что оседлое население Северного Приуралья было тесно связано с промысловым хозяйством, и особенно с охотой, которая требовала длительного пребывания вне родного дома, в пути, периодических временных переселений в отдаленные места охоты. В этих условиях постепенно вырабатывалось понимание необходимости миграций, своего рода привычка к переселениям (сначала временным, а затем – если возможности временных миграций себя исчерпывали – то и к постоянным). Таким образом, само отношение местного населения к переселениям (причем, очевидно, как к собственным, так и к миграциям представителей других этносов и, в частности, к их переселениям на этническую территорию коми или в соседние районы совместного освоения) как к чему-то обыденному, само собой разумеющемуся, оказывало определенное влияние на развитие миграционных процессов [82].

Приток русских переселенцев мог продолжаться и в последующее время (тем более что оставались практически незаселенными берега Печоры и ее притоков, верхняя Вычегда, Летка, верховья Лузы...), но ситуация изменилась. После вхождения во второй половине XVI в. в состав Русского государства Казанского и Астраханского ханств, укрепления там власти московских государей появилась возможность для освоения Поволжья, нижней Камы и нижней Вятки русскими. А после того, как рухнуло под ударами «государевых ратей» Сибирское ханство, перед русскими крестьянами открылись зауральские просторы. Эти более богатые по сравнению с Северным Приуральем земли привлекли внимание множества людей. Кроме того, во второй половине XVI в. довольно ярко проявился малый ледниковый период, во время которого возросло число экстремальных явлений природы. Пик его пришелся на XVII столетие. Скудость северных почв стала еще заметнее, и территория региона оказалась далеко не столь привлекательной для русских земледельцев, как ранее, когда более теплый климат в определенной мере компенсировал этот недостаток [16; 21; 64–68].

Переселенцы с Русского Севера, минуя Северное Приуралье, устремились за Урал, в Вятско-Камский регион и Поволжье. Конечно, отдельные мигранты с Двины и других районов Русского Севера, из Карелии и иных регионов и в дальнейшем продолжали селиться в регионе и, в частности, в тех районах, через которые проходили пути в Сибирь и Вятско-Камский регион (нижняя Вычегда, Вымь, Луза и некоторые другие). Но в целом можно заключить, что к концу XVI столетия этап интенсивных русских аграрных миграций в Северное Приуралье завершился. Границы между территориями расселения коми и русских на западе и северо-западе в XVII в. постепенно стабилизировались там, где они пролегают и поныне – по с. Спаспуруб на Лузе, у с. Межег на нижней Вычегде, близ д. Коптюги на Вашке и д. Латьюги на Мезени. Коми, жившие западнее, смешались с русскими, переняли их язык и обычаи. Этнические границы русских и коми с кочевым ненецким населением также в основном определились в этот же период, хотя у коми (перенявших у ненцев оленеводство) эта граница оказалась более размытой [31; 33; 42; 43; 83].

XVIII век принес относительную стабильность демографическому развитию региона благодаря постепенному улучшению погодных условий, а в первой половине XIX в. климат стал теплее, малый ледниковый период окончательно остался позади. В расселении русского населения в XVIII–XIX вв. произошли немалые перемены. В низовьях Печоры, на Цильме и Пижме появилось в XVIII в. немало селений, основанных жителями Усть-Цильмы: Хабариха, Гарь, Бык, Загривочная. На рубеже XVIII–XIX вв. возникли деревни Кривомежная и Сергеево-Щелья, Трусово и Рочево, Мыла, Филиппово и др. Селились в этих местах и выходцы из более отдаленных районов. На Печору в поисках спасения от преследований бежали русские

раскольники (старообрядцы) с Пинеги и Мезени. В начале XVIII в. в глухих местах на р. Пижме они основали Великопоженский скит. О существовании скита стало известно властям. В 1743 г. на Пижму был направлен военный отряд для обращения раскольников в «истинное православие». Более 70 обитателей скита, предупрежденных о приближении солдат, в знак протеста против преследований сожгли себя в часовне. После ухода карательного отряда уцелевшие старообрядцы восстановили скит, куда потянулись новые беглецы. Только в 1854 г. скит был закрыт (на его месте существует деревня Скитская) [19; 59; 78].

В верховьях Печоры стали селиться русские крестьяне, приехавшие в этот район из Чердынского уезда. С давних времен был известен торговый путь, который вел с Камы и ее притоков на Печору. В верховьях Печоры устраивались перевалочные базы, во II половине XVIII в. там появились пристани, а затем и небольшие постоянные поселения. В начале XIX в. в этом районе имелся починок Усть-Волосница с тремя дворами, затем появились Усть-Унья, Пачгино, Мамыль, а потом и другие населенные пункты. Граница между территориями расселения коми и русских на верхней Печоре пролегла у д. Мамыль [17; 36].

В XIX в. ненцы в более значительных масштабах стали селиться вместе с коми в бассейне Усы. В 1823 г. началась постепенная христианизация ненцев. В 1829 г. были выделены деньги на постройку трех церквей в тундре. Одна из них была построена на месте современной Колвы в 1830 г. и освящена 25 марта 1831 г. В последующие годы у церкви стали селиться переходившие к оседлости ненцы. Так, в 1840-х гг. несколько семей ненцев-оленоводов лишились своих стад из-за эпизоотий и вынуждены были перейти к оседлости. Позднее к ним присоединились другие. Оседлые ненцы очень часто женились на коми девушках. В 1859 г. в с. Колвинском (Колва), обозначенном как «самоедская колония», насчитывалось 20 дворов, 93 жителя, в 1909 г. — 65 дворов. Исследователи изучили в 1909 г. 50 из 65 дворов; в 47 из них владельцами были ненцы, в двух — коми, в одном — русские. Однако, согласно полученным исследователями данным, абсолютное большинство ненцев не знало ненецкого языка (к ним принадлежала вся молодежь) или плохо владело им, пользовались же они коми языком. Этому способствовало то, что в 33 ненецких дворах женщины были коми. Не случайно во второй половине XIX в. отмечалось, что «браки между самоедами и зырянками весьма часты». Выселок Адзьвавом (Иг, Совета) основал в 1879 г. перешедший к оседлой жизни оленевод-ненец. В 1905 г. здесь имелся один двор, в котором жили 19 человек. Затем к ненецким первопоселенцам присоединились три коми-ижемские семьи из Мохчи и Сизыбска (в 1906, 1908 и 1909 гг.). Совместное проживание народов позволяло изживать былое недоверие друг к другу, ускоряло взаимообмен опытом ведения хозяйства, адаптации к сложным условиям жизни на Полярном Севере [31; 59].

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ ПРИУРАЛЬЕ

В XVII столетии новым явлением в развитии переселений в регионе стали миграции, связанные с появлением заводов и потребностью для них рабочей силы. Так, во второй половине XVII в. на р. Вымь (приток Вычегды) появилось немало переселенцев из различных районов Северного Приуралья и из-за его пределов. Это было связано в первую очередь с возникновением и развитием солеваренного промысла в Серегово, владельцы которого нуждались в рабочей силе.

Сереговский промысел возник еще в XVI в. В 1583–1584 гг. А.В. Строганов, представитель знаменитой семьи промышленников Строгановых, еще в 1582 г. получивший от Ивана Грозного жалованную грамоту на «дикое место по Выми реке» и разрешение искать «в тех диких местах россольные места», ставить варницы, «пашню распахать и лес расчищать», купил земли под Сереговой горой у местных крестьян. В 1586 г. А.В. Строганов выхлопотал у царя Федора разрешение поставить «на своей купленной земле по реке по Выми под Сереговскою горою» варницу, амбар и рассольные трубы для того, чтобы варить соль. Однако работа промысла налажена не была. В 1637 г. участок приобрел крупный торговец Данил Григорьевич Панкратьев из г. Галича. С его именем связано возникновение Сереговского солеваренного завода – первого промышленного предприятия на территории Северного Приуралья (существует завод и поныне). Для работы на заводе Д.Г. Панкратьев, а затем его сын нанимали русских мастеровых-солеваров [53; 79].

До середины XVII в. разработки соли велись там небольшим количеством людей. Только во второй половине XVII в. его владельцы Панкратьевы решили увеличить соледобычу. Для этого требовались рабочие руки, и хозяева промысла привезли сюда своих крепостных – русских, поляков и карел. В самом Сереговском усолье жили Михаил Федоров Корелятин, Мартын Микулаев поляк и др. «Да выше Усолья на скотском дворе в наволоке за речкой Елью... живут крепостные ж люди корелетина Мишка Матвеев» и другие, «да поляки Давыдко Исаков» и др. В деревне «на Кочиале Мироновской» жили «поляк Ивашко Анофриев сын Бутко» с детьми; в деревне Бадрас – «поляк Пронька Иванов» с детьми, в деревне Удор – «поляк Алешка Матфеев». Всего у Панкратьевых было 15 русских крепостных, 10 карелов и 19 поляков [15; 18].

Кроме крепостных, в Усолье пришли работные люди из разных городов Поморья: Сольвычегодска, Солигалича, Холмогор, Устюга, из Важского, Тотемского и Мезенского уездов. В переписной книге Яренского уезда 1678 г. говорится: «Да у соляных же варниц 27 изб работных людей: в избе трубник Власко Артемьев сын Чюмаков..., а приходец он из Тотемского уезду: в избе кузнец Ивашко Михайлов сын Руссыкаев, ... а приходец он от Соли Вычегод-

ской с посаду; ... в избе соловар Ивашко Иванов, ... у него брат Афонька, ... а прихотцы они от Соли Галецкой с посаду».. и т.д. Всего на промысле Панкратьевых и на расположенном по соседству небольшом промысле О. Филатьева работало 44 человека, пришедших сюда из-за пределов Коми края [15; 16].

Пришлые люди жили и в других селениях Вымской земли (правда, в меньшем количестве, чем в Сереговском Усолье); появление некоторых из них также было связано с деятельностью Сереговского сользавода. В погосте Ляли в 1674 г. поселился Иван Герасимов Евтиных с сыном: «... пришел он Ивашко ис Тотемского уезду от хлебной скудости тому 4 год». В д. Жеребовской (Веслянская волость) жил приказчик Ивана Панкратьева «Гриша Михайлов, сын Кондырев, у него сын..., а породы он Гришка польские земли, а крепок ему Ивану по купчим». Среди жителей д. Ермолинской (Княжеская волость) переписной книгой 1678 г. назван «гостя Ивана Панкратьева купленной немецкие породы Петрушка Матвеев, у него дети Якушка да Онашко» (вероятно, из пленных). Возможно, пришлыми были и крестьяне, носившие фамилию «Немчинов» (Лазарь Лазорев Немчинов с сыном, жившие в погосте Онежье. Двором в деревне Кыркоч (Княжеская волость) владел «Максимко Савин татарин», переселившийся сюда из Казани (о его сыне, Степане Максимове, и внуке Лаврентии сказано, что они «родом Казанских татар» [15, 16]. Несколько подробнее следует остановиться на причинах появления в регионе выходцев из далекой Карелии. Они селились на Европейском Северо-Востоке России еще в конце XVI в. В течение XVII в. миграции карел в русские земли усилились. Причиной этого был тяжелый гнет шведских властей (Столбовский мирный договор 1617 г. закрепил переход Карельского уезда к шведскому государству). Наибольшее количество переселенцев осело на северо-западе Русского государства. Но часть мигрантов уходила и дальше на восток – в сторону Вологодчины, Подвинья и Северного Приуралья. Это вызывалось попытками шведского правительства вернуть беглецов назад в Корельский уезд. Чтобы скрыть перебежчиков, русские власти отправляли их в более удаленные от границы уезды. Карелы селились не только на дворцовых и черносошных землях, но и во владениях монастырей, помещиков, попадая таким образом в феодальную зависимость от частных владельцев. Часто карельские переселенцы переходили от одних владельцев к другим. Так они попали к владельцам Сереговского солеваренного промысла Панкратьевым, которые привезли их на Вымь [84].

В конце XVII – начале XVIII в. в Сереговском Усолье появилось 29 переселенцев: по шесть человек из Холмогор (Игнатий Андреев Колмогоров и другие) и Солигалича (Иван Иванов Морохин с братьями «Соли Галецкой уезда» и другие), по пять – из Устюга (Федор Леонтьев Пуховских «с Устюга с посада» и другие) и Мезенского уезда (Ларион Александров Мезенцов и другие), четыре – из Соль-Вычегодского уезда (Василий Патчезеров из

«Сольвычегодского уезда Пачезерской волости» и другие), трое – из **Тотемского уезда** (Зиновий Петров Тотменин с двумя сыновьями). Все они работали на солеваренном промысле [16].

В XVIII в. промышленные миграции приобрели новое развитие в связи со становлением металлургической промышленности в крае. В 1755–1761 гг. в бассейне р. Сысолы (приток Вычегды) были построены три чугунолитейных и железоделательных заводов – Нювчимский, Нючпасский и Кажимский. (В 1777 г. устюжский купец А. Попов попытался построить завод на Малой Нюле в Спаспуробской волости, но это намерение не осуществилось. В 1790 г. недостроенный завод с плотиной, постройками и рудниками приобрели у наследника А. Попова владельцы Нювчимского завода Грибановы. Очевидно, этот завод находился в урочище «Завод» близ с. Занулья) [79; 89].

При заводах возникли поселки, где жили рабочие. Все заводские работы надлежало осуществлять «вольнонаемными людьми за добровольную плату»; владельцам Нювчимского завода, правда, было дано разрешение «на первый случай для обучения и мастерства купить... мужеска полу 40 душ», но этим дозволением не воспользовались. Как сообщали сами заводовладельцы, «все заводские внутренние и куренные работы и добыча руд производится вольнонаемными государственными... крестьянами, которые получаемыми от нас за работы деньгами оплачивают государственные подати и направляют свое домоводство». Это были государственные крестьяне Слободского и Вятского уездов, обученные заводскому мастерству. Они жили при заводах, но официально числились по ревизии на прежнем месте жительства, где и обязаны были платить подушный оклад. Так на Сыsole стали складываться группы русского населения. К концу XVIII в., в 1799 г. на Нювчимском заводе в низовьях Сысолы имелось 126 работных и мастеровых людей, а на расположенных в верховьях реки Кажимском заводе – 35 мастеровых и 115 работных людей, Нючпасском заводе – трое мастеровых [79; 84].

После того, как в 1797 г. император Павел I **дозволил покупку крестьян** для работы на заводах, владельцы Нювчимского завода высказали намерение приобрести 236 крестьян (121 муж., 115 жен.) в Ветлужском уезде Костромской губернии и Кадниковском уезде Вологодской губернии у обер-провиантмейстера Н.М. Походяшина и надворного советника Г.М. Походяшина. Кроме того, в 1801 г. для Нювчимского завода были куплены в Петербурге три крепостных и получено разрешение на приобретение еще 63 человек. Таким образом, реально численность жителей поселка при Нювчимском заводе почти не изменилась – поменялась лишь официальная «прописка» части из них. Если раньше заводские рабочие Нювчима, принадлежавшие Г.М. Походяшину, числились, видимо, по прежнему месту жительства (в других уездах), то после осуществления сделки их «прописали» в Нювчима. Оставшиеся крестьяне (более сотни), вероятно, были приобретены не в начале XIX в., а позднее [79; 84].

По ревизии 1816 г. в Нювчиме числилось всего 111 крепостных (51 муж., 60 жен.), а к ревизии 1834 г. их число увеличилось уже до 184 чел., к 1850 г. – до 233 чел. На Кажымском заводе (не говоря уже про Нючпасский) крепостных числилось и того меньше – 58 чел. по ревизии 1816 г., 77 чел. по ревизии 1834 г. В середине XIX в. в Нювчиме жили крепостные Забалуевы, Леушины, Воробьевы, Соколовы, Соболевы, Ефимовы, Савельевы, Творожниковы, Колесовы, Васильевы, Денисовы, Семечковы, Поповы, Леонтьевы и Пугаевы; в Кажиме и Нючпасе из крепостных, были также Курдюковы, Мелехины, Перваковы, Супрядкины, Миняевы, Гурьевы, Кувардины, Косаревы, Двоглазовы и др., составившие (вместе с ранее перечисленными) коренное население поселков; к сожалению, определить их точное происхождение пока не представляется возможным. Необходимо подчеркнуть, что даже в 1859 г. часть работавших на заводах людей (Буровы, Серебренниковы, Глазырины, Мараклины, Шуплецовы, Кашины, Осетровы, Кармановы, Атепаловы) числилась государственными крестьянами Слободского уезда Вятской губернии. В 1911 г. на Нювчимском заводе насчитывалось 106 рабочих, на Кажымском – 190, на Нючпасском – 50 [26; 36; 84].

Уже в первые годы существования сырьевых заводов среди обитателей заводских поселков появились и немногочисленные коми. По данным В.В. Политова, к 1773 г. на Нювчимском заводе работали молотовый подмастерье Н. Мальцев из Вильгортской волости, мастер кричной тяги Т. Макаров из Небдинской волости, молотовый мастер Е. Шахов, подмастерья кричной тяги М. Попов и Г. Кузнецов, жившие вместе с семьями в поселке при заводе. Позднее, к середине XIX в. там появились Белоголовы, Сурнины, Шараповы, Напалковы из сырьевых и вычегодских волостей, а затем Надуткины, Оверины, Князевы и др. В поселках при Кажымском и Нючпасском заводах коми было меньше (Тебеньковы, Панюковы и др.) [26; 79; 84].

Писатель П.В. Засодимский в изданной в 1878 г. после поездки по Коми краю книге скептически отозвался о состоянии сырьевых заводов, однако заметил, что «если принять во внимание богатство здешних руд и качество железа», то «тут можно бы ворочать миллионными предприятиями; здешние заводы в несколько лет могли бы обратиться в города, наподобие североамериканских Чикаго, растущих сказочно быстро; заводы могли бы завести свои собственные пароходы для сношений с Архангельском и с европейскими рынками... Мало ли что здесь могло бы быть!» Чикаго из Нювчима и других заводских поселков, однако, не получился... Значительный приток поселенцев в заводские поселки имел место в первый период действия предприятий (на Сереговский солеваренный завод – в XVII в., на сырьевые заводы – во второй половине XVIII столетия). В дальнейшем сколь-либо массовых масштабов переселения в заводские поселки не имели. На исходе XIX в. была предпринята попытка построить в регионе еще один чугунолитейный

завод – в верховьях Печоры на р. Унье. В 1899 г. начались подготовительные работы, в 1900 г. завод заработал и должен был расширяться, строились дома заводского поселка. Но уже в декабре 1900 г. завод был остановлен и так и не возобновил работу из-за промышленного кризиса и падения цен на чугун. Несостоявшиеся заводские рабочие разошлись, поселок был заброшен [20; 54; 84].

Несколько более динамично в Северном Приуралье в XIX в. развивалась лесная промышленность. В 1802 г. русские поданные получили право вывозить лес за границу. С 1820 г. право на лесозаготовки получила не только казна, но и частные предприниматели. Купцы из Архангельска, Вологды, Лальска и других городов нанимали местных крестьян на рубку деревьев, распиловку их на доски и сплав в Архангельск «для заморского отпуска». Но в целом объем лесозаготовок оставался небольшим: лишь в 1809–1813 и в 1830–1831 гг. заготавливалось довольно много лиственницы. Это были сезонные работы, и участвовавшие в них жители региона оставались всё теми же крестьянами; основная их жизнь по-прежнему была связана с сельским хозяйством [53].

В середине XIX в. значительные усилия по развитию лесодобывающей промышленности в регионе предпринимал местный уроженец В.Н. Латкин, предложивший проекты экономического развития Северного Приуралья, превращения аграрного края в регион с мощной промышленной и транспортной базой. Он предлагал организовать добычу полезных ископаемых, построить новые соляные и металлургические заводы, морской порт в устье Печоры и др. Реализация его проектов могла бы заметно изменить социальную структуру населения региона, однако они не осуществились. Промышленник М.К. Сидоров предлагал построить лесопильный завод и крупный порт в устье Печоры, выдвигал ряд других предложений по экономическому развитию Севера России. Свои идеи М.К. Сидоров изложил в поданных в правительство проектах и записках. Полученный им ответ гласил: «Так как на севере постоянно льды и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немислимы, то... необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопчете наоборот... Такие идеи могут проводить только помешанные». Ситуация начала меняться в начале XX в. В 1901 г. в устье Печоры был построен шведский лесопильный завод (сгоревший в 1905 г.). В 1903 г. там появился второй завод, принадлежавший товариществу «Стелла поларе» (его пайщиками являлись российские, норвежские, шведские и английские промышленники); в 1906 г. на заводе работало 400 человек (русские, коми и ненцы) [54; 89].

В начале XX в. российское правительство разрабатывало план переселения в Северное Приуралье значительного количества безземельных крестьян из центральной России и Латвии. В 1901–1902 и 1907–1909 гг. несколько специальных экспедиций обследовали верхние Лузу, Летку, Вычегду, Печорский уезд, бассейн Вишеры. В районе Вишеры предполагалось

расселить безземельных крестьян, чтобы иметь рабочую силу для нефтяной промышленности, которую планировалось развивать на Ухте. В конечном итоге подобные переселения были признаны невозможными, поскольку даже местные крестьяне не имели в своем владении достаточного количества удобной для ведения сельского хозяйства земли. Тем более нефтеразведка в Ухтинском районе развивалась весьма медленно, и в правительственных кругах России существовали сомнения относительно перспективности разработки тамошнего месторождения. В 1906 г. тут побывала экспедиция, руководитель которой В.Я. Белобородов с большим энтузиазмом отнесся к возможностям разработки нефтяного месторождения и даже предложил построить нефтепровод от Ухты до д. Весляна (на Выми), проложить железную дорогу, соединившую бы Вычегодский край с Печорским и район Усы с Зауральем. В 1911–1913 гг. геологоразведчики под руководством инженера В.И. Стукачева пробурили четыре скважины и пришли к выводу, что пока нет оснований рассчитывать на возникновение на Ухте нефтяной промышленности – слишком малоэффективны были изыскания [78; 82].

Особо следует сказать о городе Усть-Сысольске. С преобразованием погоста Усть-Сысолы в город и уездный центр в 1780 г. местное коми крестьянское население перешло в разряд мещан и, реже, в купечество или в разночинцы. Здесь постепенно появилось некоторое количество русских – немалое по сравнению с другими коми селениями, однако все же составлявшее небольшой процент от общего числа горожан. К русским принадлежало большинство дворян, появившихся здесь в связи с образованием уездных органов власти, а также часть купцов (напр., Торокановские), духовенства, разночинцев и несколько представителей мещанства и др. сословий. В 1859 г. среди горожан было 109 потомственных и личных дворян, 36 представителей духовенства, 155 купцов, 2547 мещан, 42 государственных и помещичьих крестьян, 137 военнослужащих и 166 чел., принадлежавших к другим сословиям. В 1897 г. из 4464 устьсысольцев 3699 чел. считали родным языком коми («зырянский»), 736 чел. – русский, 20 чел. – польский, 2 – еврейский и 7 – другие языки. Таким образом, русские составляли 16,5% жителей города, другие представители некоми национальностей – 0,6%. 4025 чел. были местными уроженцами, 299 чел. (6,7% горожан) переселились сюда из других селений Вологодской губернии, 140 чел. из Москвы, Санкт-Петербурга, Одессы, Варшавы, из Сибири, Прибалтики, Казахстана, Белоруссии, Украины, с Кавказа, из Архангельской, Вятской, Пермской, Казанской, Уфимской, Воронежской, Новгородской и др. губерний. Как отмечает М.Б. Рогачев, Усть-Сысольск наряду с заводскими поселками и районами межэтнических границ (Спаспуруб, Мамыль) «относился к зонам относительно интенсивных межэтнических контактов. Одним из следствий этих контактов было лучшее, по сравнению с селом, знание коми горожанами русского языка».

В свою очередь, и большая часть приезжих, долгое время проживших в Усть-Сысольске, освоила коми язык [13; 14; 18; 63; 80; 91].

Таким образом, на протяжении всего рассматривавшегося периода на территории Северного Приуралья имели место активные миграционные процессы, оказывавшие непосредственное влияние на этнический и сословный состав населения. Однако интенсивность этих переселений, а также их характер в разное время заметно различались. Этап интенсивных аграрных переселений завершился к концу XVI столетия в связи с ухудшением климата, что препятствовало ведению на Севере земледельческого хозяйства, и включением в состав Русского государства более пригодных для аграрной колонизации регионов (Поволжье, Южное Приуралье, Сибирь).

Для этапа, начавшегося на рубеже XVI–XVII столетий и продолжавшегося до конца XVIII в., было характерно, во-первых, значительное ослабление (но не полное прекращение) притока в Северное Приуралье русских земледельцев, селившихся, главным образом, вдоль пролегавшего через Прилузье нового пути в Сибирь, во-вторых, появление промышленных миграций (переселения в поселки при возникших в регионе заводах), а в-третьих, несколько более разнообразный, чем на предшествовавшем этапе, этнический состав мигрантов, среди которых были не только русские (которые, разумеется, численно преобладали), но и карелы, поляки, ненцы и некоторые другие). Кроме того, в этот же период в связи с образованием на этнической территории коми первого города Усть-Сысольска начались переселения в город служилого дворянства и некоторых других категорий жителей, однако эти миграции еще не получили сколь-либо значительного размера.

Период с XIX до начала XX в. включительно – это время, когда, во-первых, заметно увеличилось число некоми населения в г. Усть-Сысольске и количество городского населения в целом. Во-вторых, потепление климата способствовало усилению земледельческого и промыслового освоения Северного Приуралья, возникновению новых поселений. В этот период иноэтничные мигранты селились в подавляющем большинстве на окраинах этнической территории коми. Верховья Печоры, а также бассейн Усы, Усть-Сысольск и заводские поселки стали зонами активных этнокультурных контактов коми с русскими и ненцами, в ходе которых происходил взаимобмен опытом адаптации к сложным условиям жизни на Севере. В процессе миграционных процессов происходило формирование населения региона, своеобразных этнических групп коми, русского и ненецкого народов. Заметно изменился национальный состав жителей в некоторых районах, более многообразным стал он и в крае в целом. Однако основные изменения в этносоциальном составе населения региона произошли уже в последующее время – во второй трети XX столетия [20; 47–52; 78; 80; 87–90; 93].

Литература и источники

1. Археология Республики Коми. М., 1997.
2. Багин А.Л., Кленов М.В. Пермь вычегодская. Реальность и миф историографизма // Историческая демография. 2013. № 1. С. 14–17.
3. Васкул И.О. О связях населения Европейского Северо-Востока с Прикамьем в первой половине I тыс. н.э. // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2002. С. 96–97.
4. Васкул И.О. Европейский Северо-Восток в I тысячелетии н.э. // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. С. 3–23.
5. Васкул И.О. Культурные связи населения Европейского Северо-Востока с Зауральем и Западной Сибирью в ананьинское время // Историческая демография. 2012. № 2.
6. Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.Л., Карманов В.Н., Кленов М.В., Мурыгин А.М., Павлов П.Ю. Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть I) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 1 (21). С. 88–94.
7. Васкул И.О., Волокитин А.В., Жеребцов И.Л., Карманов В.Н., Кленов М.В., Мурыгин А.М., Павлов П.Ю. Освоение арктической и субарктической зоны Припечорья в древности и средневековье по данным археологии (часть II) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2015. № 2 (22). С. 71–79.
8. Васкул И.О., Жеребцов И.Л. Этнографические и археологические исследования Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в конце XX – начале XXI века // Поиски и открытия: роль научно-исследовательских институтов в становлении гуманитарного знания. Казань: ИЯЛИ, 2015. С. 136–141.
9. Васкул И.О., Жеребцов И.Л. Исторические исследования ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в начале XXI века. Сыктывкар, 2017. 20 с.
10. Васкул И.О., Жеребцов И.Л. Исследования Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН в арктической зоне Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2017.
11. Васкул И.О., Жеребцов И.Л., Шабаев Ю.П. Академические археолого-этнографические исследования на Европейском Северо-Востоке в XXI веке // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2014. С. 263–266.
12. Васкул И.О., Цыпанов Е.А., Жеребцов И.Л., Шабаев Ю.П. Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН: основные итоги и перспективы исследований за четверть века (1988–2013 годы). Сыктывкар, 2014. 36 с.
13. Вишнякова Д.В. Этнодемографические процессы в Коми крае в XIX – начале XX века. Сыктывкар, 2012.
14. Вишнякова Д.В. Брачная структура населения города Усть-Сысольска (по материалам переписи 1897 года) // Историческая демография. 2015. № 1. С. 8–11.
15. Документы по истории народа коми. Сыктывкар, 1985.
16. Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург, 1996. 258 с.

17. Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998. 174 с.
18. Жеребцов И.Л. Русские в Коми: взгляд сквозь тысячелетие // Жизнь национальностей. 1998. № 1–2. С. 79–87.
19. Жеребцов И.Л. Изменения климата и демографическая история Европейского Севера // Российские и славянские исследования. Минск, 2010. Вып. V. С. 64–72.
20. Жеребцов И.Л. Основные этапы промышленного развития Европейского Северо-Востока России // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар, 2013. С. 5–12.
21. Жеребцов И.Л. Переход от климатического оптимума к малому ледниковому периоду и этнодемографическая ситуация у финно-угров Европейского Северо-Востока // Историческая демография. 2014. № 1 (13). С. 7–13.
22. Жеребцов И.Л. Исследования этнодемографических процессов на Европейском Северо-Востоке России в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН // Социокультурная динамика российской северной провинции: история и современность. (На материалах Республики Коми). Сыктывкар, 2016. С. 245–260.
23. Жеребцов И.Л. Изучение влияния климатических изменений на этнодемографическое развитие финно-угорских народов. Сыктывкар, 2017. 52 с.
24. Жеребцов Л.Н. О времени появления коми на верхней Мезени // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар, 1955. Вып. 3. С. 78–85.
25. Жеребцов Л.Н. К вопросу о заселении бассейна р. Вашки // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар, 1959. Вып. 5. С. 169–175.
26. Жеребцов Л.Н. К изучению культуры и быта горнозаводского населения Коми края (II половина XIX – начало XX вв.) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1962. Вып. 7. С. 121–131.
27. Жеребцов Л.Н. О русских заимствованиях в народном жилище коми // Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества. Сыктывкар, 1962. Вып. 7. С. 98–103.
28. Жеребцов Л.Н. Занятия крестьян локчимских селений в конце XIX – начале XX вв. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1963. Вып. 8. С. 47–51.
29. Жеребцов Л.Н. Этнокультурные связи вашских коми с русскими соседями на Пинеге (до начала XX века) // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 105–113.
30. Жеребцов Л.Н. О степени устойчивости элементов народной культуры коми в инонациональной культурной среде // Этнография и фольклор коми. Сыктывкар, 1972. С. 70–76.
31. Жеребцов Л.Н. Этнические и культурно-исторические связи коми с финно-уграми и самодийцами. Сыктывкар, 1974. 44 с.
32. Жеребцов Л.Н. Этнографические исследования на Европейском Северо-Востоке СССР. Сыктывкар, 1975. 20 с.

33. Жеребцов Л.Н. К вопросу о роли коми в открытии Сибири и Дальнего Востока // Вопросы истории Коми АССР (XVII – начало XX века). Сыктывкар, 1975. С. 3–16.
34. Жеребцов Л.Н. О русских заимствованиях в хозяйственных занятиях коми // Вопросы социально-экономической истории Коми края (эпоха феодализма и капитализма). Сыктывкар, 1980. С. 3–9.
35. Жеребцов Л.Н. Расселение древних коми в XI–XIV вв. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 года). Сыктывкар, 1981. С. 61–73.
36. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
37. Жеребцов Л.Н. Формирование этнографических групп коми (зырян) // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 96–111.
38. Жеребцов Л.Н. Обзор источников по расселению коми // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982. С. 145–155.
39. Жеребцов Л.Н. Проблемы этнической истории коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 109–119.
40. Жеребцов Л.Н. Этнографическое изучение народа коми // Вопросы этнографии народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 5–21.
41. Жеребцов Л.Н. Этно-культурная специфика прилузских коми // Крестьянство Коми края (досоветский период). Сыктывкар, 1986. С. 97–107.
42. Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005. 420 с.
43. Жеребцов Л.Н., Жеребцов И.Л. Численность населения Коми края в XVI–XVII вв. // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 64–76.
44. Жеребцов Л.Н., Жеребцов И.Л. Антропонимика как источник для изучения миграций и этнического состава населения Коми края. Сыктывкар, 1990. 24 с.
45. Жилина Т.И. Верхнесыольский диалект коми языка. М., 1978.
46. Жилина Т.И., Бараксанов Г.Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М., 1971.
47. Игнатова Н.М. Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар, 2009. 192 с.
48. Игнатова Н.М. Численность спецпереселенцев в Коми республике в 1950-е годы (по архивным данным) // Историческая демография. 2008. № 1. С. 65–70.
49. Игнатова Н.М. Смертность и рождаемость спецпереселенцев-«бывших кулаков» в Северном крае в 1930-е гг. // Историческая демография. 2009. № 2. С. 48–52.
50. Игнатова Н.М. Особенности учета эвакуированных граждан и эвакуированных трудпереселенцев в Коми республике в 1941–1945 годах // Историческая демография. 2013. № 1. С. 49–55.
51. Игнатова Н.М. Влияние принудительных миграций на социально-демографическую ситуацию в Республике Коми // Историческая демография. 2013. № 2. С. 41–44.
52. Игнатова Н.М. Национально-возрастная характеристика учащихся спецпоселковых школ в Коми автономной области в 1930-е гг. // Историческая демография. 2014. № 2. С. 15–20.
53. История Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1.
54. История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. Т. 1.

55. История Урала с древнейших времён до 1861 г. М., 1989.
56. Карманов В.Н., Мурыгин А.М., Туркина Т.Ю. Долина р. Печоры: итоги и перспективы археологического изучения // Известия Коми отделения Российского географического общества. 2016. Вып. 1. С. 142–147.
57. Кленов М.В. Пермь вычегодская. К проблеме формирования населения Коми края в эпоху средневековья // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 33–42.
58. Коровина Н.С., Жеребцов И.Л. Из истории Усть-Цильмы // Усть-цилемские сказки в собрании Н.Е. Ончукова. Сыктывкар, 2018. С. 6–41.
59. Лашук Л.П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.
60. Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
61. Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Этнографический уклад населения верхней Вычегды // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1960. Вып. 5. С. 53–98.
62. Лашук Л.П., Жеребцов Л.Н. Старая Вишера // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1957. Вып. 4. С. 83–127.
63. Лейман И.И., Жеребцов И.Л. Происхождение сыктывкарского рода Жеребцовых // Уваровские чтения–VII: Семья в традиционной культуре и современном мире. Муром: Муромский историко-художественный музей, 2011. С. 278–280.
64. Мацук М.А. Динамика народонаселения Яренского уезда в XVII в. // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985.
65. Мацук М.А. Причины изменения социально-демографической ситуации в Яренском уезде в XVII в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства. Пермь; Сыктывкар, 1985.
66. Мацук М.А. К вопросу о запустении поморских уездов в XVII в. (до 1680 г.) // Сельское расселение на Европейском Севере России. Вологда, 1993.
67. Мацук М.А. Государственная политика как фактор демографических изменений на Европейском Севере и в Приуралье (XVII век) // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 26–34.
68. Мацук М.А. Миграции населения Коми края в XVII в.: причины явления (история и историография) // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем Севере Евразии. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 77–84.
69. Меньковский В.И., Таскаев А.М., Жеребцов И.Л. Историко-демографические исследования в Республике Коми (1980-е – 2016 гг.). Сыктывкар, 2016. 24 с.
70. Меньковский В.И., Таскаев М.В., Таскаев А.М. Историко-демографические исследования на Европейском Северо-Востоке России. Сыктывкар, 2016. 64 с.
71. Мikuшев А.К. Эпические формы коми фольклора. Л., 1973.
72. Мурыгин А.М. Печорское Приуралье. Эпоха средневековья. М., 1992.
73. Мурыгин А.М. Археологические памятники ванвиздинской культуры бассейна р. Мезени. Сыктывкар, 2001.
74. Мурыгин А.М. Актуальные вопросы средневековой истории населения крайнего северо-востока Европы (вторая половина I тыс. н. э.) // Историческая демография. 2013. № 1. С. 4–10.
75. Мурыгин А.М., Королев К.С., Ляшев В.А. Миграционный фактор в развитии средневековых культур Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984.
76. Мусанов А.Г. Топонимия как источник для исследования древних миграций: проблемы и перспективы // Историческая демография. 2008. № 1. С. 4–6.

77. Оборин В.А. Роль крестьянства северных районов Поморья в освоении Урала в XVI–XVII в. // Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 80–85.
78. От первобытных стоянок – к городам. Очерки истории заселения Республики Коми с древнейших времен до конца XX века. Сыктывкар, 2014. 296 с.
79. Политов В.В. Промышленность Коми края в XVIII в. Сыктывкар, 2005.
80. Рогачев М.Б., Жеребцов И.Л. Этнодемографическая ситуация в Коми крае (конец XIX века – 1980-е годы). Сыктывкар, 1993. 28 с.
81. Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Этнодемографические процессы в Коми крае (XI – начало XX века). Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2005. 376 с.
82. Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001. 40 с.
83. Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Влияние миграций русского крестьянства на формирование населения Коми края (конец XV – XVI вв.) // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 3–13.
84. Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. Влияние развития заводской промышленности на миграционные процессы в Коми крае (XVII – начало XX в.) // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005. С. 99–104.
85. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
86. Селезнева О.М., Васкул И.О. Новые данные об этнокультурных связях населения европейского Северо-Востока и Зауралья в эпоху железа // Этнодемографические и этнокультурные процессы на крайнем Севере Евразии. Сыктывкар, 2004. Вып. 1. С. 52–57.
87. Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: **расселение, состав, численность**. Сыктывкар, 2005. 220 с.
88. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. 202 с.
89. Таскаев М.В., Жеребцов И.Л. Возникновение и развитие промышленных предприятий и транспортных путей в Коми крае до середины XX века (хроника событий) // Индустриализация Европейского Северо-Востока России: предпосылки, способы осуществления и влияние на социально-экономическое, политическое, этнодемографическое и культурное развитие региона. Сыктывкар, 2013. С. 168–274.
90. Фаузер В.В., Жеребцов И.Л. Управление социально-демографическими и этническими процессами в национальном регионе (на примере Республики Коми XV–XX вв.) // Российский фонд фундаментальных исследований. Региональный конкурс «Урал–2001» в Республике Коми (отчеты 2001–2003 гг.). Сыктывкар, 2004. С. 361–383.
91. Хайдуров М.В. Духовное сословие в Коми крае (1801–1869 гг.). Сыктывкар, 2010.
92. Шабаетов Ю.П., Жеребцов И.Л., Журавлев П.В. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. 2012. № 4. С. 134–153.
93. Этнический фактор в демографическом развитии Республики Коми (середина XIX – начало XXI века). Очерки истории народонаселения. Сыктывкар, 2006. 184 с.

Содержание

Влияние миграций русского крестьянства на формирование населения Северного Приуралья	3
Влияние развития заводской промышленности на миграционные процессы в Северном Приуралье	8
Литература и источники	15